

Н. Д. ЕРМАКОВА (Новосибирск), Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

СУФФИКСАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной публикации системно рассматриваются селькупские суффиксы с отрицательным значением, краткие сведения о которых содержатся в статьях и разделах селькупских грамматик (см., например, Castrén 1854; Прокофьев 1935 : 45; Беккер 1985 : 34; 1978 : 156; Мартынова 1993 : 46—47, 57—58; Беккер, Алиткина, Быконя, Ильяшенко 1995а : 272—274; Кузнецова 1990а : 155—160; 1990б : 53—55; ОчСЯ 175—176, 255, 257, 283, 338, 346, 351, 352—353). Проведенный анализ селькупских «отрицательных» суффиксов позволяет сделать вывод о том, что они функционируют как некая подсистема в системе средств выражения отрицания, характерных для данного языка.

Суффиксы с отрицательным значением в селькупском языке могут присоединяться и к именной, и к глагольной основе. В ходе их присоединения к основе существительных образуются

1) падежные формы существительных (каритив, или лишительный падеж), на базе которых в дальнейшем развиваются наречные формы. В результате преобразования падежной формы в наречную ею приобретает способность к образованию степеней сравнения (об. *tep minesit paj o η d j - k à l a η* 'он наточил нож т у п о' при *oydj-kalaη-loγ* 'тупее', *orse oydj-kalaη* 'тупее всего'); 2) новые лексические единицы: существительные необладания, прилагательные необладания, каритивные (лишительные) глаголы.

При присоединении к глагольной основе селькупские суффиксы с отрицательным значением образуют формы каритивных (отрицательных) причастий и деепричастий, способных подвергаться адъективизации и адвербиализации, а соответственно и лексикализироваться. В результате завершения данных процессов, как и в случае образования наречий на базе форм лишительного падежа существительных, приобретает способность к образованию степеней сравнения.

Каритивные падежные формы существительных в селькупском языке образуются с помощью аффикса (*)-*kâlîj*₃, где *η*₃ = *η*, *k*, *ø*. Впервые формы существительных с таким аффиксом описаны как лишительный падеж А. И. Кузьминой (1969) и А. П. Дульзоном (1970). В работах Г. Н. Прокофьева (1935) и Н. М. Терешенко (1973) они рассматриваются исключительно как наречные. Падежный формант (*)-*kâlîj*₃ принимают одушевленные и неодушевленные существительные, имена собственные и нарицательные. Обычно он присоединяется к первой основе имени (= форма номинатива), но может присоединяться и ко второй (= форма генитива за вычетом падежного форманта), за которой

часто следует *-n* генитива: нар. *kudj(-n-)galij'* 'без кого', *nelkup-galijk* 'без женщины', *ku-galijk* 'без человека'.

Аффикс каритива присоединяют существительные в единственном, двойственном и множественном числе. Возможны и посессивные падежные формы: тым. *kup-kj-galak* 'без двух людей', *ku-t-kalak* 'без многих людей', *ese-n-galak* 'без моего отца' и т.п. (см. также ОчСЯ 176).

Наличие у аффикса каритива вариантов на носовой и смычный исследователи объясняют позиционными чередованиями гоморганных согласных. Появление носового или смычного в ауслaute падежной формы обычно определяется начальным звуком следующего за ней слова в синтагме. Смычный появляется в исходе аффикса перед глухими согласными, носовой — перед сонорными согласными и гласными (ср. Морев 1969 : 55; ОчСЯ 142): таз. *tenyuntyl' q u m k ɔ l y k tan namyp ašša mētal* 'без знающего человека ты этого не сделаешь'; *irasyqāq̄ macōqum ont̄ q u m y t k ɔ l y η il̄q̄j* 'муж с женой в лесу сами без людей живут' (ОчСЯ 176).

Вариант суффикса без ауслautного согласного (> редуцированная форма) можно объяснить фонетическим чередованием $\eta \sim \emptyset$ в ауслaute словоформ. Наличие / отсутствие согласного и его чередование в финале падежного аффикса имеют параллели в оформлении наречных форм, выполняющих функции обстоятельства образа действия, у которых также допускается чередование *-k ~ -η* и нулевой маркер (ОчСЯ 282).

Поскольку отрицательные наречные формы от именных основ (по Г. Н. Прокофьеву — наречия необладания) развиваются на базе падежных форм существительных, эти наречные формы также содержат суффикс $(*)-kāl̄ij_3$, где $\eta_3 = \eta, k, \emptyset$. Следовательно, в селькупском выделяются два омонимичных суффикса $(*)-kāl̄ij_3$, наречный и падежный. В то же время наречный аффикс $(*)-kāl̄ij_3$ иногда выступает в свёрхредуцированной форме *-lək* (Беккер, Алиткина, Быконя, Ильяшенко 1995б : 175).

Каритивные наречия и каритивные падежные формы существительных выполняют в предложении одну и ту же синтаксическую функцию обстоятельства образа действия. Но названные формы могут и различаться по своему синтаксическому поведению. Падежные формы способны иметь детерминативы (прилагательные, местоимения), тогда как наречия их никогда при себе не имеют: таз. *tenyuntyl' q u m k ɔ l y k tan namyp ašša mētal* 'без знающего человека ты этого не сделаешь'; вас. *koška ēka na k u p k a l i k βarkigu* 'плохо жить без этого человека'. Кроме того, лишительный падеж выполняет выделительную функцию: кет. *tepkalāk kaŋnas tipkus* 'кроме него никто не приходил'; *makalāk (<?*matkalak) βes kβenbat* 'кроме меня все ушли' (Беккер, Алиткина, Быконя, Ильяшенко 1995а : 274).

В селькупских диалектах южной группы значения, свойственные лишительному падежу, может передавать также аналитическая конструкция с замыкающим элементом *kun̄čal̄ijk*, для которого допустима трактовка в качестве послелога 'без, кроме': нар. *m̄i kaŋnaŋ a k̄onžerxut t o n a k̄ a t p a r a n d a g u n̄ ž̄ a l k* 'мы ничего не видели кроме той горы (букв.: той горы вершины-ее кроме)'; *k̄ ü n d a n d a g u n̄ ž̄ a l k minanəl kalχos χirlap βarle k̄βätembad* 'кроме лошадей наш колхоз стал держать коров' (Беккер, Алиткина, Быконя, Ильяшенко 1995а : 274). В диалектах северной группы данный структурный элемент является аффиксом каритивных (отрицательных) деепричастий (ОчСЯ 257).

Каритивным наречиям (наречиям необладания), образованным от существительных, в селькупском языке противопоставляются наречия обладания на

-k/-ŋ, который присоединяется исключительно ко второй основе имени: таз. *tu-ka-k* 'с иглами, шипами' (*tuja* 'игла'), *mü-k* 'с дырами' (*mü* 'дыра') и т.д. (ОчСЯ 284).

Существительные необладания образуются в селькупском с помощью суффикса *-kita*. Все они являются одушевленными при том, что образуются от неодушевленных: кет., тым. *sai-gida*, нар. *hai-gəda*, таз. *saju-kyta* 'слепец' (ОчСЯ 338) (*saju*, *sai*, *hai* 'глаз') и т.д. Суффиксу существительных необладания *-kita* противопоставлен суффикс *-sima* существительных обладания. С помощью этих суффиксов образуются антонимические пары: таз. *ima-kyta* 'неженатый' — *ima-syma* 'женатый' (*ima* 'жена' (ОчСЯ 338)).

Для образования прилагательных необладания в языке используется аффикс *(*)-kiti-j*, сформировавшийся в результате присоединения к аффиксу существительных необладания *-kita* маркера препозитивного присустановительного определения *(*)-j*, который выступает также в ауслауте прилагательных и причастий. Однако в настоящее время можно говорить уже не о последовательном присоединении двух названных суффиксов к именной основе, а об одном неодноморфемном аффиксе прилагательных необладания: соответствующие формы прилагательных могут образовываться и от таких основ, которые непосредственно существительных необладания не образуют. Аффикс прилагательных необладания обычно присоединяют основы собственно существительных, синкретичные основы, использующиеся как основы существительных и прилагательных параллельно, и основы прилагательных: таз. *teny-kytyl'* (ОчСЯ 350), нар. *tän-gədal*, кет. *tenj-gidi* 'бестолковый' (*teny*, *tän* 'ум'); таз. *wərqy-kytyl'* (ОчСЯ 350), кет. *βərgi-gidi* 'небольшой' (*wərqy*, *βərgi* 'большой') и т.д.

Суффиксу *(*)-kiti-j* прилагательных необладания антонимичен суффикс *(*)-simij* (<*-sima* + *(*)-j*) со значением 'снабженный чем-либо, имеющий кого (что)-либо', присоединяемый к первой основе существительных: таз. *əsy-kytyl'* 'безотцовский' — *əsy-symyl'* 'имеющий отца' (ОчСЯ 350, 351). Формы прилагательных на *(*)simij* могут быть соотнесены с формами существительных в комитативе-инструментале, на что указывает взаимная трансформируемость конструкций с падежной и адъективной формой: таз. *ü s s y m y l' torqy* 'сосуд с водой' ↔ *torqy ü s s ä ēŋa* 'сосуд с водой (есть)' (ОчСЯ 351). Но эта соотнесенность не является полной: в конструкциях, где инструменталь имеет орудийное, а не социативное значение, он не может трансформироваться в прилагательное обладания (ОчСЯ 351). Соответственно формы инструментала только до известной степени антонимичны формам каритива.

Кроме перечисленных, в сфере отыменной деривации функционируют также суффиксы *-kilym-/-kulym-*, образующий глаголы со значением 'лишиться кого-(чего)-либо', и *-kilti-/-kulti-* (сев.) ~ *-kilymčij-/-kulymčij-* (южн.) со значением 'лишить кого-либо кого(чего)-либо'. Первый присоединяется, как правило, к первой основе существительного: таз. *nän-kilym-pa* 'нет хлеба' (*nän* 'хлеб'); *üt kilym-pak* 'у меня нет воды' (букв. 'я обезводился', *üt* 'вода'); кет., тым. *sai-gilym-gu* 'ослепнуть' (*sai* 'глаз'); кет., тым. *komde-gulam-gu* 'обезденежить' (*komde* 'деньги'); реже — ко второй основе + *-m-*, например, кет. *ora-m-kulam-ku*, *ora-m-kulam-ku* 'лишиться сил, обессилеть' (*ora*, *ora-* 'сила'); кет. *topa-m-kulam-ku* 'обезножить' (*topi*, *topa-* 'нога') и т.д. В южном языковом ареале названный суффикс функционирует в пределах определенного семантического поля ('части тела человека, предметы, необходимые для жизни человека...') и его продуктивность ограничена этим полем. В тазовском диалекте он способен присоединяться, по-видимому, к значительно большему числу именных основ.

Переходные дериваты на таз., енис. *-kilti-/-kulti-* типа *or-kilti-ko* 'лишить сил, сделать бессильным' (*or*, *or-* 'сила'), *ili-kilti-ko* 'лишить жизни' (*ili* 'жизнь') и на кет.,

тым. *-kijimči-/ -kulimči-* типа *saġ-gulamžu-gu* 'ослепить, сделать слепым' (*saġ* 'глаз'), *ko-gulamžu-gu* 'оглушить, сделать глухим' (*ko* 'ухо') встречаются значительно реже глаголов первой группы (Кузнецова 1990а : 156—158).

Селькупским глаголам на *-kijim-/ -kulim-* можно противопоставить отыменные образования на *(*)-šj-/ -šj̄-(<(*)-šj-j)* со значением 'приобрести признаки х': *(pō) tukyr-šy-mpa* 'дерево стало трухлявым, отрухлявело' (*tukyr* 'труха' (ОчСЯ 345—346)); кет. *t'egj-zj-gu* 'побелеть', тым. *ol čayj-že-mba* 'голова поседела' (*t'egj, čayj* 'седой' (Кузнецова 1990б : 45—46)).

Некоторым глаголам со значением 'лишить кого-либо чего-либо' антонимичны образования на *-tj-* или *-čj-* от именных основ: тым. *nim-gijimču-gu*, кет. *nim-kulatču-ku* 'лишить имени' ~ тым. *nim-da-gu*, кет. *nim-tj-gu* 'дать имя, назвать' (*nim, nim* 'имя').

В сфере отглагольного образования выделяются суффиксы каритивных деепричастий и причастий. На севере каритивные отглагольные образования регулярны и принадлежат к словоизменительной морфологии: таз. *qonty-kuñcytyl'* 'неспавший, бессонный'; *ily-kuñcytyl'* 'неживший, нежилой, безжизненный' (ОчСЯ 255); *qonty-kuñcōlyk* 'без сна (букв. не спя)'; *kəty-kuñcōlyk* 'не сказав' (ОчСЯ 257). На юге, напротив, они не регулярны, и соответствующие суффиксы вычлняются лишь в составе ряда лексических единиц, прежде всего наречий: нар. *aβər-guñžalk* 'без еды', кет. *aβj̄r-guñdalyk* 'голодом' (*aβj̄r-gu* 'есть, кушать'); об. *at-kuñčalk* 'неожиданно' (*atəgu* 'ждать') и т.д. (Беккер, Алиткина, Быконя, Ильяшенко 1995б : 175). Отрицание в сфере причастий и деепричастий осуществляется в селькупских диалектах южной группы в целом так же, как и в сфере финитного глагола — посредством отрицательной препозитивной частицы *ašša*, которая может иметь предельно редуцированную форму (*a*) и сливаться с основой: нар. *a u šj d j l kupa u šjgu a kβanžak* 'не работающий человек работать не хочет' (ср. ен. *a š š y c e r t j m p y l' poqqy eke mirynty* 'не доплетенную сеть не продавай' (Мартынова 1993 : 58)).

Одному из диалектов южной группы, кетскому (прежде всего нижнекетский говор), тем не менее известно образование форм каритивных причастий. Но здесь оно осуществляется по модели образования каритивных прилагательных от именных основ, т.е. путем присоединения к глагольной основе суффикса *(*)-kijij:* *ilj-gidj* 'неживущий' (*iligu* 'жить' (Кузнецова 1987 : 15)).

Каритивные деепричастные и причастные формы обладают всеми семантико-синтаксическими свойствами форм соответствующих глагольных подклассов, в том числе и способностью к формированию разносубъектных полипредикативных конструкций: таз. *tat p e l t y - k u ñ c ɔ l j ɲ m ē kuttar ilentōmyt?* 'без твоей помощи (букв. ты не помогая) как мы жить будем?' (ОчСЯ 257); *amamy omta apany t e - k u ñ c y t y l' pity kanykkyn* 'мать сидела у люльки, еще не доделанной отцом' (Мартынова 1993 : 58). Каритивные причастия, подобно всем прочим причастным формам, образуют формы субстантивной репрезентации за счет присоединения частицы *mj:* таз. *ēkuñcytyl' my* 'то, чего не бывает' (ОчСЯ 255).

Поскольку значение предшествования / одновременности действия каритивной деепричастной формы в целом задается видовым значением глагольной основы (таз. *q o n t y k u ñ c ɔ l y k o r y ŋ ŋ a* 'без сна (букв. не спя) трудится' при *qontyqo* 'спать (несов. вид)'; *k ə t y k u ñ c ɔ l y k tō pīqylpa* '(ничего) не сказав, отвернулся' при *kətyqo* 'сказать (сов. вид)' (ОчСЯ 257)), то в качестве формы, противостоящей каритивному деепричастию на *(*)-kuñ'älj̄* в плане наличия / отсутствия отрицания, следует выделять прежде всего простое деепричастие на *(*)-lä*, обладающее идентичными функ-

ционально-семантическими свойствами (кет. *essem t ü l e eßsem itargu oldit* 'когда) отец-мой пришел (букв. п р и д я), мать моя пищу готовить начала' при *tügu* 'прийти (сов. вид)'; *am d i l e konda* 'с и д я спит' при *amdigu* 'сидеть (несов. вид)').

Аналогичные рассуждения приводят к заключению, что каритивной причастной форме на $(*)-kunt'itij/-kint'itij$ может (точнее, еще недавно могло) быть противопоставлено причастие на $(*)-(n)tij$ (ср. ен. *k ä t t ä - n t i j l' sipa nütit putokit ürresa* 'убитая утка в траве потерялась' при *kättako* 'убить (сов. вид)'; *k ü t a - n d i j kum pal'd'sun jrukkan* 'б о л е ю щ и й человек ходит медленно' при *kütiko* 'болеть (несов. вид)' ~ тым. *em okirle uža u ž u - k u n' ž a l k a ēja* 'отец-мой всегда работает, без работы (букв. н е р а б о т а я) не живет (букв. не есть)' при *užugu* 'работать (несов. вид)'; ен. *man as sintj ütän tan üčiptämtj š ü n' t' i k u n' č' o l j ŋ* 'я не отпущу тебя, н е з а - к о н ч и в работы' при *sünt'iko* 'закончить (сов. вид)').

Итак, суффиксальное отрицание в селькупском языке может быть представлено как некая система форм, находящаяся в оппозиции к системе не-отрицания. При этом противопоставление форм двух указанных систем создается прежде всего за счет антонимичных *k*-овых и *s*-овых элементов в структуре сложных аффиксов или же за счет противопоставления *k*-овых элементов нулю.

	↗ наречия необладания	↔ наречия обладания	← <i>-k / -ŋ</i>
	→ лишительный падеж (каритив)	↔ орудно-совмест- ный падеж	← $(*)-sä$
	→ существительные необладания	↔ существительные обладания	← <i>-sima</i>
Nom.	$(*)-käljŋ_3$		
	<i>-kita</i>		
	$(*)-kijij$		
	<i>-kijim/ -kulim-</i>		
	→ глаголы со значением 'лишиться чего-л.'	↔ глаголы со зна- чением 'стать имеющим что-л.'	← $(*)-ši-/šj-$ ($<(*)-šij$)
	<i>-kijti-/ -kultj- -kijmčj-/ -kulimčj-</i>		
	→ глаголы со значением 'лишить кого-л. чего-л.'	↔ глаголы со зна- чением 'сделать имеющим что-л.'	← <i>-tj-/-čj-</i>
	$(*)-kunt'äljŋ/$		
	<i>-kint'äljŋ</i>		
Verb.	→ каритивные (отриц.) деепричастия	↔ неотрицательные (простые) деепричастия	← $(*)-lä$
	$(*)-kunt'itij$		
	<i>/-kint'itij</i>		
	→ каритивные (отриц.) причастия	↔ неотрицательные причастия	← $(*)-(n)tij$

Соответствиями сельк. *-ko-*, *-ka-*, *-ki-* и т.п., входящим в состав образований с отрицательным значением, выступают нен. *-si-*, *-zi-*, *-ti-*, *-di-*, *-ša-*, *-ši*, эн. *-si-*, *-ti-*, нган. *-ka-*, *-ga-*, *-ka-*, *-ga-* и кам. *-še-*, *-že-* (Castrén 1854; Терещенко 1965; 1979; Sammallahti 1974; Györke 1935). Это позволяет предполагать для перечисленных суффиксов общий источник — прасам. $(*)kV$, указывающий на отсутствие чего(кого)-либо и способный присоединяться как к именным, так и к глагольным основам (Györke 1935 : 62). В ненецком, энецком и камасинском языках следующим за *k* элементом, очевидно, выступал гласный переднего ряда, что и могло обусловить *kš* > *ś*, *s...* (Хелимский 1982 : 123; Кузнецова 1990а : 157).

Сокращения

Диалекты селькупского языка: **вас.** — васюганский; **ен.** — енисейский; **кет.** — кетский; **нар.** — нарымский; **об.** — обский; **таз.** — тазовский; **тым.** — тымский.

Несов. вид — несовершенный вид; **ОчСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, часть I, Москва 1980; **сов. вид** — совершенный вид.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
 — 1985, Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка. Автореферат докт. дисс., Москва.
- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. 1995а, Морфология селькупского языка. Южные диалекты, часть I, Томск.
 — 1995б, Морфология селькупского языка. Южные диалекты, часть II, Томск.
- Дулъзон А. П. 1970, Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими. — Вопросы финно-угроведения, вып. 5, Йошкар-Ола.
- Кузнецова Н. Г. 1987, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Автореферат канд. дисс., Тарту.
 — 1990а, К вопросу о происхождении суффиксов каритивных глаголов в селькупском языке. — Морфология глагола и структура предложения, Новосибирск, 155—160.
 — 1990б, Суффиксы отыменной глагольной деривации в диалектах селькупского языка. — LU XXVI, 43—56.
- Кузьмина А. И. 1969, К вопросу о склонении в селькупском языке. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков (Материалы межвузовской конференции, 11—13 мая 1969 г.), Томск, 72—76.
- Мартынова Е. И. 1993, Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола. Канд. дисс., Новосибирск. (Рукопись).
- Морев Ю. А. 1969, Некоторые фонетические процессы в обском говоре селькупского языка. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков (Материалы межвузовской конференции, 11—13 мая 1969 г.), Томск, 55—57.
- Прокорьев Г. Н. 1935, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, часть I, Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
 — 1973, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград.
 — 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Хелимский Е. А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели, Москва.
- Castérén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprache, St.-Petersburg.
 Györke, J. 1935, Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe), Tartu.
 Sammallahti, P. 1974, Material from the Forest Nenets, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 2).

N. D. JERMAKOVA (Novosibirsk), N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

DIE SUFFIXALE NEGATION IM SÖLKUPISCHEN

Vorgelegt wird eine systematische Analyse der suffixalen Negation und ihre Beziehungen zu nichtnegierenden suffixalen Konstruktionen.